

Красота. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Красота. Фёдор Сологуб

В строгом безмолвии вечерующего дня Елена сидела одна, прямая и неподвижная, положив на колени белые, тонкие руки. Не наклоняя головы, она плакала; крупные, медленные слезы катились по ее лицу, и темные глаза ее слабо мерцали.

Нежнолюбимую мать схоронила она сегодня, и так как шумное горе и грубое участие людское были ей противны, то она на похоронах, и раньше, и потом, слушая утешения, воздерживалась от плача. Она осталась наконец одна, в своем белом покое, где все девственно чисто и строго, – и печальные мысли исторгли из ее глаз тихие слезы.

Еленино платье, строгое и черное, лежало на ней печально, – как будто, облекая Елену в день скорби, не могла равнодушная одежда не отражать ее омраченной души. Елена вспоминала покойную мать, – и знала, что прежняя жизнь, мирная, ясная и строгая, умерла навсегда. Прежде чем начнется иное, Елена холодными слезами и неподвижной грустью поминала прошлое.

Ее мать умерла не старая. Она была прекрасна, как богиня древнего мира. Медленны и величавы были все ее движения. Ее лицо было как бы обвеяно грустными мечтами о чем-то навеки утраченном или о чем-то желанном и недостижимом. Уже на нем давно, предвещательница смерти, ложилась темная бледность. Казалось, что великая усталость клонила к успокоению это прекрасное тело. Белые волосы между черными все заметнее становились на ее голове, и странно было Елене думать, что ее мать скоро будет старухой...

Елена встала, подошла к окну и медленно отодвинула тяжелый занавес, чтобы рассеять сумерки, которых она не любила. Но и оттуда, извне, томил ее взоры серый и тусклый полусвет, – и Елена опять села на свое место и терпеливо ждала черной ночи и плакала медленными и холодными слезами.

И наконец настала ночь, в комнату принесли огонь, и Елена снова подошла к окну. Густая темнота окутывала улицу. Бедные и грубые предметы скучной обычности скрывались в черном покрове ночи, – и было что-то торжественное в этой печальной черноте. Против окна, у которого стояла Елена, слабо виднелся, на другой стороне улицы, при свете редких фонарей, маленький, кирпично-красный дом кузнеца. Фонари стояли далеко от него, – он казался черным.

Вдруг из раскрытой кузницы к воротам пронеслась медленно громадная красная искра, и мрак вокруг нее словно сгустился, – это кузнец пронес по улице кусок раскаленного железа. Внезапная зажглась радость в Елениной душе и заставила Елену тихо засмеяться, – в просторе безмолвного покоя пронесся звонкий и радостный смех.

И когда прошел кузнец и скрылась красная в черном мраке искра, – Елена удивилась своей внезапной радости и удивилась тому, что она все еще нежно и трепетно играет в ее душе. Почему возникает, откуда приходит эта радость, исторгающая из груди смех и зажигающая огни в глазах, которые только что плакали? Не красота ли радует и волнует? И не всякое ли явление красоты радостно?

Мгновенная пронеслась она во мраке, рожденная от грубого вещества, и погасла, как и надлежит являться и проходить красоте, радуя и не насыщая взоров своим ярким и преходящим блеском...

Елена вышла в неосвещенный зал, где слабо пахло жасмином и ванилью, и открыла рояль; торжественные и простые мелодии полились из-под ее пальцев, и ее руки медленно двигались по белым и черным клавишам.

II

Елена любила быть одна, среди прекрасных вещей в своих комнатах, в убранстве которых преобладал белый цвет, в воздухе носились легкие и слабые благоухания, и мечталось о красоте так легко и радостно. Все благоухало здесь едва различными ароматами: Еленины одежды пахли розами и фиалками, драпировки – белыми акациями; цветущие гиацинты разливали свои сладкие и томные запахи. Было много книг, –

Елена читала много, но только избранные и строгие творения.

С людьми Елене было тяжело, – люди говорят неправду, льстят, волнуются, выражают свои чувства преувеличенным и неприятным способом. В людях много нелепого и смешного: они подчиняются моде, употребляют зачем-то иностранные слова, имеют суетные желания. Елена была сдержанна с людьми и не могла любить ни одного из тех, кого встречала. Одна только была, которая стоила любви, мать, – потому что она была спокойная, прекрасная и правдивая. Елена хотела бы, чтобы и все люди стали когда-нибудь такими же, чтобы они поняли, что одна есть цель в жизни – красота, и устроили себе жизнь достойную и мудрую...

Горели лампы, – их свет разливался неподвижно и бело. Пахло розой и миндалем. Елена была одна.

Она замкнула дверь на ключ, зажгла перед зеркалом свечи и медленно обнажила свое прекрасное тело.

Вся белая и спокойная стояла она перед зеркалом и смотрела на свое отражение. Отсветы от ламп и от свеч пробежали по ее коже и радовали Елену. Нежная, как едва раскрывшаяся лилия с мягкими, еще примятыми листочками, стояла она, и безгрешная алость разливалась по ее девственному телу. Казалось, что сладкий и горький миндальный запах, веющий в воздухе, исходит от ее нагого тела. Сладостное волнение томило ее, и ни одна нечистая мысль не возмущала ее девственного воображения. И нежные грезилась ей, и безгрешные поцелуи, тихие, как прикосновение полуденного ветра, и радостные, как мечты о блаженстве.

Радостна была для Елены обнаженная красота ее нежного тела, – Елена смеялась, и тихий смех ее звучал в торжественной тишине ее невозмутимого покоя.

Елена легла грудью на ковер и вдыхала слабый запах резеды. Здесь, внизу, откуда странно было смотреть на нижние части предметов, ей стало еще веселей и радостней. Как маленькая девочка, смеялась она, перекачиваясь по мягкому коврику.

III

Много дней подряд, каждый вечер, любовалась Елена перед зеркалом своей красотой, – и это не утомляло ее. Все бело в ее горнице, – и среди этой белизны мерцали алые и желтые тоны ее тела, напоминая нежнейшие оттенки перламутра и жемчуга.

Елена поднимала руки над головой и, приподнимаясь, вытягивалась, изгибалась и колебалась на напряженных ногах. Нежная гибкость ее тела веселила ее. Ей радостно было смотреть, как упруго напрягались под нежной кожей сильные мускулы прекрасных ног.

Она двигалась по комнате, нагая, и стояла, и лежала, и все ее положения, и все медленные движения ее были прекрасны. И она радовалась своей красоте, и проводила, обнаженная, долгие часы, – то мечтая и любясь собой, то прочитывая страницы прекрасных и строгих поэтов...

В чеканной серебряной амфоре белела благоуханная жидкость: Елена соединила в амфоре ароматы и молоко. Елена медленно подняла чашу и наклонила ее над своей высокой грудью. Белые, пахучие капли тихо падали на алую, вздрагивающую от их прикосновения, кожу. Запахло сладостно ландышами и яблоками. Благоухания обняли Елену легким и нежным облаком...

Елена распустила длинные черные волосы и осыпала их красными маками. Потом белая вязь цветов поясом охватила гибкий ее стан и ласкала ее кожу. И прекрасны были благоуханные эти цветы на обнаженной красоте ее благоуханного тела.

Потом она сняла с себя цветы и опять собрала волосы высоким узлом, облекла свое тело тонкой одеждой и застегнула ее на левом плече золотой пряжкой.

Сама она сделала для себя эту одежду из тонкого полотна, так что никто еще не видел ее.

Елена легла на низкое ложе, и сладостные мечтания проносились в ее голове, – мечтания о безгрешных ласках, о невинных поцелуях, о нестыдливых хороводах на

орошенных сладостной росой лугах, под ясными небесами, где сияет кроткое и благодное светило.

Она глядела на свои обнаженные ноги, – волнистые линии голеней и бедер мягко выбегали из-под складок короткого платья. Желтоватые и алые нежные тоны на коже рядом с однообразной желтоватой белизной полотна радовали ее взоры. Выдающиеся края косточек на коленях и стопах и ямочки рядом с ними все осматривала Елена любовно и радостно и осызала руками, – и это доставляло ей новое наслаждение.

IV

Однажды вечером Елена забыла запереть дверь перед тем, как раздеться. Обнаженная, она стояла перед зеркалом, подняв руки над головой.

Вдруг приотворилась дверь. В узком отверстии показалась голова, – это заглянула горничная Макрина, смазливая девица с услужливо-лукавым выражением на румянном лице. Елена увидела ее в зеркале. Это было так неожиданно. Елена не сообразила, что ей сделать или сказать, и стояла неподвижно. Макрина скрылась сейчас же, так же бесшумно, как и появилась. Можно было подумать, что она и не подходила к двери, что это только так привиделось.

Елене стало досадно и стыдно. Хотя она едва только успела бросить взгляд на Макрину, но ей уже казалось, что она видела промелькнувшую на Макрином лице нечистую улыбку. Елена поспешно подошла к двери и заперла ее на ключ. Потом она легла на низком и мягком ложе и думала печально и смутно...

Досадные подозрения раскрывались в ней... Что скажет о ней Макрина? Теперь она, конечно, пошла в людскую и там рассказывает кухарке, шепотом, с гадким смехом. Волна стыдливого ужаса пробежала по Елене. Ей вспомнилась кухарка Маланья, – румяная, молодая бабенка, веселая, с лукавым смешком...

Что же теперь говорит Макрина? Елене казалось, что кто-то шепчет ей в уши Макринины слова:

– И вижу это я сквозь щелку, – стоит барышня перед зеркалом в чем мать родила, – вся как есть совсем выпялившись.

– Да что ты! – восклицает Маланья.

– Вот ей-Богу! – говорит Макрина. – Вся голая, и фигурует, и фигурует, – и этак-то повернется, и так-то...

Макрина топчется на месте, представляя барышню, и обе хохочут. Циничные, грубые слова звучали с беспощадно-гнусной ясностью; от этих слов и от грубого смеха горничной и кухарки Еленино лицо покрылось жгучим румянцем стыда и обиды.

Она чувствовала стыд во всем теле, – он разливался пламенем, как снедающая тело болезнь. Долго Елена лежала неподвижная, в каком-то странном и тупом недоумении, – потом стала медленно одеваться, хмуря брови, как бы стараясь решить какой-то трудный вопрос, и внимательно рассматривая себя в зеркале.

V

В следующие за тем дни Макрина держала себя так, как будто она тогда и не видела ничего и даже не приходила, – и это ее притворство раздражало Елену. И потому уже все в Макрине, что было и раньше, но чего не замечала Елена, теперь стало ей противно. Неприятно было одеваться и раздеваться при Макрине, принимать ее услуги, слушать ее льстивые слова, которые прежде терялись в лепечущих звуках водяных струек, плещущих об Еленино тело, а теперь поражали слух.

И в первый раз, когда Макрина заговорила попрежнему, Елена вслушалась в ее слова и дала возможность своему раздражению.

Утром, когда Елена входила в ванну, Макрина, поддерживая ее под локоть, сказала со льстивой улыбкой:

– В такую милочку, как вы, кто не влюбится! Разве у кого глаз нет, тот только не заметит. Что за ручки, что за ножки!

Елена покраснела.

- Пожалуйста, перестаньте, - резко сказала она.

Макрина взглянула на нее с удивлением, опустила глаза и потом, - или это только показалось Елене? - легонько усмехнулась. И эта усмешка еще более раздражила Елену, - но уже она овладела собой и промолчала...

Упрямо, без прежнего радования, с какими-то злыми думами и опасениями Елена продолжала каждый день обнажать свое прекрасное тело и смотреть на себя в зеркало. Она делала это даже чаще, чем прежде, не только вечером, при свете ламп, но и днем, опустив занавесы. Теперь она уже не забывала опускать портьеры, чтобы не подсматривали и не подслушивали ее снаружи, и при этом стыд делал все ее движения неловкими.

Уже не таким, как прежде, прекрасным казалось теперь Елене ее тело. Она в этом теле находила недостатки, - старательно отыскивала их. Чудилось в нем нечто отвратительное, - зло, разъедающее и позорящее красоту, как бы налет какой-то, паутина или слизь, которая противна и которую никак не стряхнуть.

Елене часто казалось, что на ее обнаженном теле тяжело лежат чьи-то чужие и страшные взоры. Хотя никто не смотрел на нее, но ей казалось, что вся комната на нее смотрит, и от этого ей делалось стыдно и жутко.

Было ли это днем, - Елене казалось, что свет бесстыден и заглядывает в щели из-за занавеса острыми лучами, и смеется. Вечером безокие тени из углов смотрели на нее и зыбко двигались, и эти их движения, которые производились трепетавшим светом свеч, казались Елене беззвучным смехом над ней. Страшно было думать об этом беззвучном смехе, и напрасно убеждала себя Елена, что это обыкновенные неживые и незначительные тени, - их вздрагивание намекало на чуждую, недолжную, издевающуюся жизнь.

Иногда внезапно возникало в воображении чье-то лицо, обрюзгое, жирное, с гнилыми зубами, - и это лицо похотливо смотрело на нее маленькими, отвратительными глазами.

И на своем лице Елена порой видела в зеркале что-то нечистое и противное и не могла понять, что это.

Долго думала она об этом и чувствовала, что это не показалось ей, что в ней родилось что-то скверное, в тайниках ее опечаленной души, меж тем как в теле ее, обнаженном и белом, подымалась все выше горячая волна трепетных и страстных волнений.

Ужас и отвращение томили ее.

И поняла Елена, что невозможно ей жить со всем этим темным на душе. Она думала: "Можно ли жить, когда есть грубые и грязные мысли? Пусть они и не мои, не во мне зародились, - но разве не моими стали эти мысли, как только я узнала их? И не все ли на свете мое, и не все ли связано неразрывными связями?"

VI

В гостиной у Елены сидел Ресницын, молодой человек, по-модному одетый, несколько вялый, но совершенно влюбленный в себя и уверенный в своих достоинствах. Его любезности сегодня не имели никакого успеха у Елены, как и раньше, впрочем. Но прежде она выслушивала его с той общей и безличной благосклонностью, которая привычна для людей так называемого "хорошего общества". Теперь же она была холодна и молчалива.

Ресницын чувствовал себя выбитым из колеи, а потому сердился и нервно играл моноклем. Он не прочь был бы назвать Елену невестой, и ее холодность казалась ему грубостью. А Елену более, чем когда-либо прежде, утомляло в его разговоре легкомысленное порхание с предмета на предмет. Она сама говорила всегда сжато и точно, и всякое многоречие людское было ей тягостно. Но люди почти все таковы, - распущенные, беспорядочные.

Елена спокойно и внимательно смотрела на Ресницы-на, как бы находя в нем какое-то печальное соответствие своим горьким мыслям. Неожиданно для него она спросила:

- Вы любите людей?

Ресницын усмехнулся небрежно, с видом умственного превосходства, и сказал:

- Я сам человек.

- Да себя-то вы любите?- опять спросила Елена. Он пожал своими узенькими плечами, саркастически усмехнулся и сказал притворно-вежливым тоном:

- Люди вам не угодили? Чем, позвольте спросить!

Видно было, что он чувствует себя оскорбленным за людей тем, что Елена допускает возможность и не любить их.

- Разве можно любить людей?- спросила Елена.

- Почему же нельзя?- изумленно переспросил он.

- Они сами себя не любят,- холодно говорила Елена,- да и не за что. Они не понимают того, что одно достойно любви,-не понимают красоты. О красоте у них пошлые мысли, такие пошлые, что становится стыдно, что родилась на этой земле. Не хочется жить здесь.

- Однако же вы живете здесь!- сказал Ресницын.

- Где же мне жить!- холодно промолвила Елена.

- Где же люди лучше?- спросил Ресницын.

-Да они везде одинаковы,- ответила Елена, и легкая презрительная усмешка мелькнула на ее губах.

Ресницын не понимал. Разговор этот стеснял его, казался ему неприличным и странным. Он поспешил распрощаться и уйти.

VI

Вечерело. Елена была одна.

На тихом воздухе ее покоя ванильный запах гелиотропа не смешивался с медовым ароматом черемухи и со сладкими благоуханиями роз и побеждал их.

- Построить жизнь по идеалам добра и красоты! С этими людьми и с этим телом!- горько думала Елена.- Невозможно! Как замкнуться от людской пошлости, как уберечься от людей! Мы все вместе живем, и как бы одна душа томится во всем многоликом человечестве. Мир весь во мне. Но страшно, что он таков, каков он есть,-и как только его поймешь, так и увидишь, что он не должен быть, потому что он лежит в пороке и во зле. Надо обречь его на казнь, и себя с ним.

Тоскующие Еленины глаза остановились на блестящем предмете, красивой игрушке, брошенной на стол.

- Как это просто!- подумала она.-Вот, довольно хоть бы этого ножа.

Тонкий позолоченный кинжал, из тех, которые иногда употребляются для разрезывания книг, с украшенной искусной резьбой рукоятью и с обоюдоострым лезвием, лежал на ее письменном столе. Елена взяла его в руки и долго любовалась им. Она купила его недавно, не потому, что он был ей нужен,нет, ее взоры привлек странный, запутанный узор резьбы на рукояти.

"прекрасное орудие смерти",- подумала она и улыбнулась. Улыбка ее была спокойная и радостная, и мысли в голове у ней проходили ясные и холодные.

Она встала,- и кинжал блестел в ее опущенной, обнаженной руке, на складках ее

Красота. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

зеленовато-желтого платья. Она ушла в свою опочивальню и на подушках, лезвием к изголовью, положила кинжал. Потом надела она белое платье, от которого томно и сладостно пахло розами, опять взяла кинжал и легла с ним на постель, поверх белого одеяла. Ее белые башмаки упирались в подножие кровати. Она полежала несколько минут неподвижно, с закрытыми глазами, прислушиваясь к тихому голосу своих мыслей. Все в ней было ясно и спокойно, и только темное томило ее презрение к миру и к здешней жизни.

И вот, – как будто кто-то повелительно сказал ей, что настал ее час. Медленно и сильно вонзила она в грудь, – прямо против ровно бывшего сердца, кинжал до самой рукояти, – и тихо умерла. Бледная рука разжалась и упала на грудь, рядом с рукоятью кинжала.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!